

*Памяти Татьяны Михайловны Котенёвой-Громан,
руководителя литературной студии «ЖИЗАЛЬМО»*

Здесь мы собрали разные истории, случаи, которые происходили с учениками шестого «В» – то со всеми вместе, то с некоторыми по отдельности.

Кроме того, сюда войдут и отрывки из писем, из дневников, из разговоров, из размышлений перед сном и во время прогулок. Здесь даже будут записки и мысли совершенно личного характера.

***Сергей Иванов. «В бесконечном лесу
и другие истории о 6-м „В“»***

7 марта, четверг

* * *

Я хочу быть птицей. Чтобы ветер в глазах. Чтобы ни о чем не думать. Ветер в голове, ветер в хвосте, ветер в перьях, ветер в крыльях. Во мне ветер и высота... Хочу быть птицей. У птицы вместо мыслей ветер. Грустный, веселый, быстрый. Птица летит, и... и ее никто не дергает.

– Итак, «ветер в голове» – это фразеологический оборот. Кто нам скажет, что такое фразеологизм? Третья парта! Что сидим, о чем мечтаем?

Таня Кароль

Накануне праздника мальчики гимназического шестого «В» поздравляли девочек. В конце последнего урока, литературы.

Из-за этих поздравлений Таня Кароль и поссорилась с Ариной Котовой, а потом пошла домой одна, наряженная и злая. Обычно они с Ариной на трамвае вместе ехали. Таня – три остановки, Арина – дальше. Арина села в трамвай – значит, Таня пойдет пешком.

Таня шла и звонила папе... Он не брал трубку, не брал, не брал. Наверное, до сих пор сердился за утреннее. Но может, он просто занят? Таня вспомнила: сегодня первый четверг месяца, у папы сейчас ученый совет.

Тане тоже был нужен совет: идти в школу вечером или не идти? В половине пятого в кабинете русского и литературы, у Инны Мар... Ой! Нет, теперь у Евгении Ивановны! В общем, у их новой русички, она же новая классная. В том же кабинете! Как на Новый год! Идти или нет? После того, что Арина сегодня сказала?

Таня пришла домой, все еще злая. Папа не отвечал. Может, до сих пор сердился. И Арина на Таню сердилась, совсем по другому поводу, тоже очень важному. Надо было с папой помириться и потом уже у него спросить, как помириться с Ариной.

Таня заварила лапшу. Потом сфотографировала красно-черное платье. С ним тоже все было непонятно. Таня отправила папе снимок, а папа опять не ответил. Таня немножко поиграла в мобильнике.

Потом вдруг стало почти четыре часа. И еще вдруг стало ясно, что прическа дурацкая абсолютно! Таня пошла мыть голову.

Вернулась. Проверила мобильник. Папа не отвечал. Арина тоже, до сих пор не хотела мириться. Тогда Таня написала папе еще! Гордое, обиженное. И еще спросила, где фен. Потому что она опаздывает! Папа даже не прочитал! А мама тоже про фен не ответила! Ну сговорились вообще, да?

Таня вынула из рюкзака заколку. Посмотрела, покрутила, убрала обратно. Без папы не понять, кто прав: Таня или Арина? Вдруг Арина?

Таня надела зеленое платье, побрызгалась бывшими мамиными духами, и тут наступило четыре тридцать. Волосы так и не высохли! Всё!

Тане до школы ехать три остановки на трамвае.

Праздник — это не уроки, на него опоздать можно. Но не хочется. Либо вовремя, либо никак. Мокрые волосы — отличное решение, да. Разобралась. Сама.

И теперь Таня сидела в своей комнате, на полу. Считала звезды на потолке. Мокрые волосы по спине стекали. Водопад из волос, мокрый и холодный. Таня думала, какая она сейчас невыносимо несчастная. Потом вспоминала про заколку. И вся несчастьность растворялась.

Она прекрасная, это раз. И неизвестно, кто ее подарил, это два.

На потолке зеленели звезды и даже три полумесяца, от этого мир делался таинственным.

Одна звезда вдруг отклеилась, полетела вниз, на покрывало.

Надо было желание загадать!

Эта звезда – волшебная, пусть и по игре. Тане почти тринадцать, и в чудеса она верит, только когда об этом точно никто не узнает. Ни папа, ни мама, ни Арина.

«Пусть это был Денис», – загадала Таня.

Это про заколку.

Она лежала сегодня на Танином месте. Нарядные девочки вошли в кабинет русички Евгении Ивановны, их новой классной, на пятом уроке, после звонка, ну, чтобы их мальчики поздравили...

И на Таниной половине парты кроме обычного букета тюльпанов было еще вот это вот. Только у нее одной. Она не сразу увидела под букетом.

Заколка-птица и открытка с надписью «Самой красивой». Надпись есть, а подписи нет. Кто положил? Никто не видел, все молчат.

«Пусть Денис. Или Кирилл. Или Леха. Или Миха. Только не Ваня!» Это раз.

Таня прячет пластмассовую звезду в рюкзак. Закалывает птицей мокрые волосы.

И пусть еще Арина скажет, что была не права. Это два.

Потому что Арина такая прямо на уроке: «А может, это не тебе, а мне». Арина так и сказала: «Вот с чего ты взяла, что ты – самая красивая?» Разве нормальные подруги такое могут говорить? Ну и кто она после этого?

Надо было пойти сейчас в школу. Может, этот сказал бы, кому из них открытка. Или сказал бы, кто он.

Потому что, когда влюбляются, это важно, в кого именно. Даже если не ты влюбилась, а твоя подруга. И если даже влюбились не в тебя, а в твою... Хотя... Смотря кто. Если Кирилл – не очень важно. Или Леха, или Миха. А вот если Денис... Главное, чтобы не Ваня Лисица. Этого никому не надо, ни ей, ни Арине! Вот правда! Даже если Арина себя ведет вот так вот... Не как подруга!

И тут вдруг пришла мама с работы, тоже с цветами, тоже нарядная. Включила свет в коридоре, заглянула, заговорила бодро, не дожидаясь ответов:

– Что лежишь? А что такая кислая? Папу ждешь? А где наш папа? Папа наш на работе отмечает... Пусть отмечает, ему меньше достанется. Танюра, я тортик принесла, какой ты любишь, с мармеладками...

Хорошо, что мама не стала свет у Тани зажигать. Тут темно и зеленые звезды. Тут тихо, печально и таинственно. Как и полагается, когда у тебя непонятная любовь.

– Танюра, ну что ты? Мальчик не поздравил? Нужен нам этот мальчик, мало ли этих мальчиков на свете! Да?

Мама говорит с Таней, но кажется, что не с ней. С тем, кто у нее в животе. Живот не очень большой, но все равно он много места занимает. Потому что мама теперь движется будто внутри хрустального шара. Осторожно и неловко. И не обнимешь!

— А вот мы сейчас сами все вкусное съедим! Танюра, это чем воняет? Освежителем?

Жаль, что мама на самом деле не в таком шаре. До мамы теперь все время доносятся запахи. Гораздо сильнее, чем до остальных людей. Ну обычные же запахи! Ну лапша заварная, ну чипсы, ну шампунь... Ну духи! Ну и чего такого?

Папа до сих пор не отвечал. Вот сколько можно сердиться? Таня напечатала «прости меня» и стала дальше печатать, про Арину.

А мама распахнула на кухне балкон. Это ей так Танины духи жить мешали. Вообще-то это мамины духи, но она их больше не любит. И вообще-то у Тани голова мокрая, между прочим. И фена нет.

— Да не помнит мама твоя, где фен. А, он же у нас сгорел! Мама забыла совсем! У мамы вместо мозгов гормоны! Танюра, нам папа завтра новый фен подарит! Ну, может, сегодня. Правда! Я его попросила! А ты чего такая?

Таня не знала: рассказать про Арину или нет? Наверное, можно. Но не хочется. Все равно Таня теперь не попадет никуда. Фена же нет!

— Ну, нет — значит нет! Что ты трагедию разводишь?

Плюнь да разотри! Ты ж моя красавица! Пошли торт есть, Танюра! Смотри, какой тортик! С мармеладкой! Хочешь мармеладку?

Таня не хочет.

В прошлом году у них было совсем другое Восьмое марта. Во-первых, папа пришел домой раньше мамы и принес огромную охапку тюльпанов. И не букет, как Тане сегодня в школе подарили, а целый подарочный пакет. Тюльпанов было так много, что они ни в одну вазу не влезли. Таня сунула их в кастрюлю. У них была кастрюля тюльпанов. Мама ее так в инсту и выложила. Они потом называли эту кастрюлю «тюльпанной». Дом пах сказкой, долго.

— Ну что? Давай кино посмотрим вместе, хочешь?

Таня молча сидела на полу. Хотела, чтобы папа ей позвонил.

Но папа позвонил маме. Мама сказала: «Да? Толя, тебя где мотает?» — а потом вдруг охнула. И вышла в коридор. И не возвращалась. Таня разрежала торт, съела мармеладку со своего куска. Потом еще одну мармеладку, самую большую, из середины.

А мама все говорила.

Мама стояла в коридоре, держала мобильник у лица, повторяла:

— Я не понимаю, не понимаю...

Тут звякнул Танин телефон. Потом еще раз. И еще. Посыпались гифки.

Мама переступала с ноги на ногу. Она была в праздничном платье и в розовых резиновых шлепках. На правой ноге колготки порвались, большой палец в дырку выглядывал, блестел синим лаком.

А на Танин телефон все сыпались гифки с Восьмым марта. Арина спрашивала, почему Тани нет в школе, ее все ждут.

«Папа, когда ты вернешься, ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос. Если два человека думают, что они оба правы, но один из них притворяется и поэтому готов сказать, что прав тот, другой, просто чтобы ему угодить, то кто тогда на самом деле...»

14 МАРТА, ЧЕТВЕРГ

Кирилл Кондрашов

Меня зовут Кирилл. Это все, что им надо обо мне знать. Сейчас русский у Евгеша. Последний урок. Я себе сплю. Ну, пытаюсь.

– Кондрашов! Ты что написал? Что я диктовала?
«Не сдавались врагу»!

«Не сдавались в рагу».

Я не сам придумал, это из интернета. Но двойку поставят мне. Или не поставят. Пофиг.

– Кондрашов, ты нам тут что, шут?

– Нет. Я чемодан.

У меня в профиле в ВК так и написано:

«Школа – это просто камера хранения. Работает с 8:30 до 15:10».

Я – чемодан. И еще икс. Как в уравнении.

«Мы изучаем в школе уравнения. Нас тут уравнивают. Всех со всеми».

Это не я, это Денис. Он в январе еще придумал. Мне понравилось. Мы с Денисом осенью дружили. А потом всё. Я его спросил:

– А ты вообще дальше со мной будешь общаться?

Если б не спросил, общались бы, думаю.

У нас в четверг литература и русский подряд. Евгеша то два русских дает, то две литературы, как-то без разницы. У нее все уроки одинаковые. Каждый раз думаешь: что это вообще было?

О. Звонок для учителя звенит. Смотри-ка, отпустила.

Домой иду. Один. В сентябре вот так шел – вдруг Денис пишет: «Жди. Я иду за тобой». Вместе пошли. Я думал, ему по дороге, а оказалось, он ко мне в гости идет. Так и познакомились. Хороший способ, мне понравилось.

Мы тогда только начали вместе учиться, не знали, кто есть кто. Ну, Ваня странный, сразу ясно. А остальные незнакомые – вообще непонятные...

Из нашего старого класса были Леха с Михой и Арина с Таней. А, еще ж Чумаченко был! «Чумаченко было», он сам так придумал, ему не обидно. Но Чумаченко в ноябре перевелся обратно в нашу старую школу. Перевелось...

Денис вот был из другой школы. Я его запомнил, когда он поправил Инну Маратовну, первую русичку: «Я не Вознесенский, я Воскресенский!» Она больше не путала, а я до сих пор сомневаюсь, какая у Дениса правильная фамилия. Смотрю на его тетрадь. Или в электронку. И все равно не помню. Вот в ВК он «Денис В-й». И на листочках работы так подписывает. Сразу фамилия и класс «В»... «В-шестой». У нас другого Дениса нет, учителя не против. Все, кроме Евгеша.

Евгеша у нас не с начала года, а с января. Сейчас март, а она нас до сих пор не запомнила.

«Третья парта!»

«Первый ряд! Второй вариант!»

«Лисица!»

Ну, это тоже понятно, что она его помнит. Он тоже один такой. Не как Денис, наоборот. Как анти-Денис. Совсем не хочется, чтобы он был. Не в принципе, а конкретно с нами. Чтобы в разговоры не вмешивался, с вопросами не лез. А Евгешу он просто вымораживает!

Плохо, когда ты Лисица. Когда людей от тебя дергает. Может, Денису я Лисица?

Я – нет!

Дóма как всегда. Я не знаю, как теперь отвечать на «Кирыч, как дела?». Правду? Я не знаю какую.

Я у тети Вали сигареты забрал, она не заметила. «Дела хорошо. Жду, когда они догадаются, что это я взял твои сигареты».

Жду, когда они спросят зачем. Я сам не знаю. Курить не хочу. Хочу, чтобы спросили. Они и Денис. Я не знаю, зачем мне так нужен Денис Воскресенский.

– Кирыч, как у тебя дела? Норм? Ты ничем сейчас не занят? Кирыч, можно тебя попросить...

Арина Котова

«Таня, я хочу, чтобы в наших отношениях все было по-честному! Я вообще научилась теперь разбираться в людях и знаю себе цену!»

Мне кажется, когда человек такой из себя думает, что он ни на кого не похож, это как раз все так думают, и такой человек тоже как все! Но чтобы доказать, что это не так, он...»

— Аришик! Нам на этой выходить! Арина, я же сказала: убери мобильник!

— Мама, я не глухая! Я знаю.

«...он ведет себя очень нечестно по отношению к другим людям. Вот например, такой человек делает вид, что ему не все равно...»

Ваня Лисица

Про теорию мультивселенных все так понятно, что даже неинтересно. В одной версии я учусь здесь, в другой – я в старой школе, в третьей – вообще экстракт... экстернат.

И мы, все версии меня, существуем одновременно, не мешая друг другу. Это было бы хорошо, кстати. Параллельно и одновременно. А вот когда живешь во всех версиях по очереди, это кто-нибудь уже объяснял? СеменИваныч может знать. Спрошу в субботу. Обязательно!

Кажется, что меня иногда переключают из одной версии в другую. Переключатель как в нашей мультиварке: если не выберешь нужный режим, надо их еще раз по кругу. Некоторые режимы неизбежны. Школа... Побыстрее бы его прощелкать.

А еще бывает, живешь в своей реальности, и вдруг она меняется, плавно... Будто уплывает. Как во сне. Или как в температуре. Но у меня же не может подниматься каждый раз температура, раз я хожу в школу каждый день?

Но похоже на то.

Я буквально чувствую: кто-то режимы мои переключает, а мне не сообщает! Надо, чтобы я сам! Может, это

и есть цель жизни? Добраться до переключателя и дальше самому управлять?

Я бы только своей жизнью управлял, даже если там есть только универсальный переключатель, один на всех. Не стал бы лезть в чужие жизни. Я бы, наверное, другое сделал.

Если бы я стал богом, я бы решил по очереди пожить в разных жизнях. В моей, например. Вот как моя жизнь выглядит с точки зрения бога? Очень интересная? Я думаю, у бога есть возможность сравнивать. Я бы хотел быть богом!

И потом, уже от лица бога, пожить в разных людях. Например, в СеменИваныче. И в Кирилле. В Тане. В актере или в режиссере. В маньяке — но только если меня из его жизни обратно заберут до того, как маньяка пристрелят.

В своих родителях, наверное, не хотел. Вдруг бы я узнал, что они на самом деле меня не любят? Особенно папа.